

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МОРАЛЬНОЙ СВОБОДЫ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Молчанов С. В., Алмазова О. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сравнительный анализ использования механизмов морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях.

Процедура и методы. Была использована методика отчуждения моральной ответственности С. Мур (в адаптации Я. А. Ледовой и др.). В исследовании приняли участие 731 подросток от 13 до 18 лет из России и Азербайджана.

Результаты. В зависимости от интенсивности использования механизмов моральной свободы выделены три типа «моральной свободы» («пассивные пользователи», «активные пользователи», «стратегия искажения образа жертвы»); установлены предпочитаемые механизмы самооправдания. Выявлены кросс-культурные различия в применении механизмов морального самооправдания для выборки в целом и для гендерных групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты расширяют представления о кросс-культурной специфике поведения подростков в условиях морального выбора и могут быть использованы в практических программах личностного роста подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, моральное развитие, механизмы морального самооправдания, стратегии моральной свободы, кросс-культурное исследование

FEATURES OF USING TEENAGERS' MECHANISMS OF MORAL FREEDOM IN VARIOUS ETHNO-CULTURAL CONDITIONS

S. Molchanov, O. Almazova

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
11, str. 9, Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To perform the comparative analysis adolescents' use of moral self-justification mechanisms in various ethno-cultural conditions.

Methodology. The method of moral responsibility alienation by S. Moore was used (adapted by Ya. A. Ledovaya et al.). 731 teenagers, aged from 13 to 18, from Russia and Azerbaijan took part in the study.

© CC BY Молчанов С. В., Алмазова О. В., 2020.

Results. Taking into consideration the intensity of the moral freedom strategies use, three types of “moral freedom” (“passive users”, “active users”, “strategy of distorting the victim’s image”) are singled out; moral self-justification mechanisms preferred by adolescents are established. Cross-cultural differences in the application of moral self-justification mechanisms are revealed both for the sample as a whole and for gender groups.

Research implications. The research results develop the ideas of cross-cultural peculiarities of adolescents’ behavior in moral choice conditions. The results can be used in adolescents’ personal development programs.

Keywords: adolescence, moral development, moral self-justification mechanisms, moral freedom strategies, cross-cultural study

Введение

Культурные факторы оказывают влияние на моральные суждения, ценности и моральное поведение. Межкультурные различия в морали могут быть столь же существенными и важными, как и межсоциальные различия, поскольку культуры существенно различаются в продвижении и передаче моральных суждений и моделей поведения. Культурные факторы включают религию, социальную экологию и регулирующие социальные институты [4]. Такая вариативность в сочетании с универсальностью моральных конструктов позволит уточнить положения нормативных теорий морального развития.

В рамках социокогнитивной теории А. Бандура выделил компоненты системы саморегуляции морального поведения: самонаблюдение, оценку на основе соотнесения своего поведения с моральными стандартами и самореагирование, позволяющее изменить поведение в случае необходимости [9]. Самонаблюдение обеспечивает понимание мотивов и содержания собственных поступков, сравнительный анализ даёт понимание адекватности выбранной модели поведения в отношении моральных норм, самореагирование обеспечивает возможность положительного или отрицательного подкрепления при соответствии или нарушении моральных норм. В условиях нарушения моральных норм возникает задача защиты моральной идентичности, которая может быть решена за счёт активизации механизмов морального самооправдания, выступающих как социокогнитивные процессы, позво-

ляющие человеку оправдать своё аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения [8]. Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением – с другой [5]. Механизмы морального самооправдания понимаются как тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому, с целью сохранения самооценки и минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому [10].

В условиях информационного общества, когда снижается уровень внешнего социального контроля над выполнением моральных норм в коммуникации в подростковом сообществе и в значительной мере возрастает значение самоконтроля, проблема применения механизмов морального отчуждения и самооправдания, позволяющих оправдать моральную трансгрессию, при сохранении высокой самооценки и моральной идентичности приобретает особую актуальность. Исследование применения механизмов морального самооправдания подростками осуществлялось в контексте изучения их роли в генезисе девиантного поведения, в частности буллинга. На основе метаанализа было установлено, что моральное самооправдание положительно связано с буллингом [13]. Причинами невмешательства и отстранения личности от принятия ответственности за буллинг становятся моральное оправдание как признание ситуации буллинга

несерьёзной, обвинение жертвы, передача ответственности учителям и друзьям жертв, более низкий социальный статус, чем у преследователя, лояльность друга к агрессору, страх свидетелей [12]. На материале испанской выборки подростков было выявлено, что типы морального самооправдания взаимосвязаны с восприятием кибербуллинга и кибервиктимизации. В частности, восприятие буллинга его жертвами может способствовать активации определённых механизмов морального отчуждения, таких как речевой эвфемизм, искажение последствий или сравнение как оправдание собственных действий [11]. Изучение факторов обращения подростков к моральному самооправданию показало, что комбинация ранних факторов риска семейного отвержения, дисгармоничного воспитания, асоциального окружения, а также механизмы морального самооправдания повышают вероятность антисоциального поведения мальчиков [14]. В исследовании использовали групповое моделирование траектории для изучения стабильности и изменений морального самооправдания. Обнаружено, что относительно стабильное обращение к моральному самооправданию в подростковом возрасте снижается на протяжении периода от 14 до 20 лет. При этом принадлежность к группе предсказывала актуальное и будущее антисоциальное поведение, даже с учётом пола [17].

Выявлена связь уровня развития морального сознания и готовности пользователей интернета юношеского возраста к соблюдению базовых этических норм коммуникации в интернет-общении. Так, в случае низкого уровня развития морального сознания респонденты считают возможным нарушение таких моральных норм интернет-коммуникации, как персональная ответственность за действия в сети, конфиденциальность, уважение партнёра и неприкосновенность личной жизни, даже при признании значимости этих норм [3]. Однако способы мораль-

ного самооправдания, к которым прибегают подростки, чтобы обеспечить моральную свободу при нарушении норм медиа-коммуникации, предметом исследования не стали.

Культуры представляют собой динамичные социальные системы, в которых внутрикультурное разнообразие и внутрииндивидуальные вариации психосоциальных ориентаций в разных сферах жизнедеятельности определяют широкую вариативность. Растущая глобализация и культурный плюрализм общества, вовлечённость в кибермир, выходящий за пределы времени, расстояния, места и национальных границ, требуют расширения масштабов кросс-культурного анализа. В центре внимания оказываются вопросы о том, как национальные и глобальные силы взаимодействуют, формируя природу культурной жизни, включая моральные установки и паттерны поведения [10]. Существуют ли принципиальные различия в механизмах моральной свободы в различных культурных группах, либо эти различия носят только количественный характер? Так, в ряде исследований была выявлена связь между моральным самооправданием и антисоциальным поведением у подростков в различных этнокультурных и социальных группах – в большой нормативной выборке итальянских мальчиков и девочек в возрасте 10–15 лет [9], в американской выборке афроамериканцев в возрасте 9–14 лет [16], а также в американской выборке несовершеннолетних правонарушителей мужского пола в возрасте 13–18 лет [15].

Вариативность моральных принципов и ориентиров в современном обществе может быть рассмотрена на разных уровнях: мультикультурности [2; 4], поликонфессиональности общества, включая атеистические установки, разнообразии социально-экономических слоёв населения [18], эффективности системы социального контроля правонарушений и следования моральным стандартам [1]. Представляется, что в современном мире

сами мультикультурность, мультирелигиозность и вариативность социально-экономических групп населения являются достаточно универсальными условиями жизнедеятельности в рамках различных государств. Вместе с тем глобализация, включая общедоступность информационных потоков интернета, выступающего сегодня для подростков важным институтом социализации, усиливает тенденции нивелирования этнокультурных различий в моральной оценке жизненных событий и собственного поведения в ситуации морального конфликта и нарушения моральных норм. Выявление как общих тенденций реализации стратегий морального самооправдания подростков, так и их специфики в условиях этнокультурных различий на основе сравнительного исследования позволит уточнить детерминанты морального поведения и действие механизмов моральной свободы в координатах универсального – культурно-вариативного.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей использования механизмов моральной свободы посредством морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях. Задачи исследования включали: 1) анализ выраженности использования подростками механизмов моральной свободы и выделение типов «моральной свободы»; 2) изучение особенностей применения подростками механизмов морального самооправдания в зависимости от этнокультурных условий; 3) выявление гендерных особенностей применения механизмов морального самооправдания в этнокультурных группах.

Методики и выборка

Выраженность использования механизмов моральной свободы определялась с помощью методики отчуждения моральной ответственности С. Мур, выделяющей предпочитаемые механизмы

морального самооправдания, включая моральное оправдание, речевой эфемеризм, оправдательное сравнение, распределение ответственности, диффузию ответственности, искажение последствий, дегуманизацию жертвы, атрибуцию вины [7]. В опроснике на каждый из восьми механизмов морального самооправдания приходилось 3 вопроса. Выраженность каждого механизма считалась как среднее арифметическое оценок по соответствующим вопросам.

В исследовании приняли участие подростки в количестве 731 человека в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15,6$; $SD = 1,0$), учащиеся общеобразовательных учреждений из России и Азербайджана. Среди них 415 (56,8%) юношей и 316 (43,2%) девушек. 572 человека (78,2%) выборки составили подростки из России, а 159 (21,8%) – из Азербайджана.

Результаты

Особенности предпочтений типов моральной свободы в подростковом возрасте

При помощи корреляционного анализа было выявлено, что оценки выраженности всех механизмов моральной свободы связаны между собой (r – от 0,3 до 0,6, $p < 0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), а это косвенно говорит о внутренней связности рассматриваемого конструкта.

Воспользовавшись кластерным анализом (метод К-средних), на основе результатов проведения опросника С. Мур (выраженность всех восьми механизмов морального самооправдания) респонденты были разделены на 3 группы (кластера). Центры кластеров представлены в таблице 1.

При применении однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было установлено, что имеются значимые различия в оценках всех механизмов самооправдания у респондентов из разных кластеров ($p < 0,001$). В связи с чем в дальнейшем мы можем говорить о «типах» моральной свободы (самооправдания).

Таблица 1 / Table 1

Центры кластеров – распределения респондентов по степени выраженности механизмов морального самооправдания / Cluster centers – data distribution in preferences of moral self-justification mechanisms

Тип / Механизм самооправдания	1 тип	2 тип	3 тип
Моральное оправдание	2,6	3,5	4,4
Речевой эвфемизм	2,0	2,9	3,9
Оправдательное сравнение	1,7	2,1	3,0
Распределение ответственности	2,0	2,6	3,4
Диффузия ответственности	1,8	2,7	4,0
Искажение последствий	1,7	2,5	3,7
Дегуманизация жертвы	2,9	4,4	4,8
Атрибуция вины	2,7	3,8	4,3
Кол-во респондентов (в %)	27,9%	42,1%	30,0%

Тип 1 (27,0% респондентов) проявляет наименьшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. В случаях использования чаще всего прибегают к моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Обозначим эту группу как группу, неактивно использующую стратегии морального самооправдания («пассивные пользователи»).

Тип 2 (44,3% участников исследования) демонстрирует средний уровень использования механизмов морального самооправдания. Наиболее популярными являются стратегии искажения образа жертвы: дегуманизация и атрибуция вины. Обозначим эту группу как группу, ориентированную на искажение образа жертвы (группа, реализующая стратегию «искажения образа жертвы»).

Тип 3 (28,7% подростков) активнее остальных групп респондентов использует все механизмы морального самооправдания. Обозначим эту группу как группу активных пользователей стратегиями морального самооправдания («активные пользователи»).

Отметим, что анализ возможных вариантов стратегий моральной свободы, проводимый нами ранее на другой вы-

борке подростков, также обнаружил три описанных выше варианта. При некоторой вариативности в количественном распределении респондентов по разным типам / стратегиям моральной свободы сохраняется общая тенденция: самая многочисленная группа – группа, реализующая стратегию «искажения образа жертвы», в группы активных и пассивных пользователей количество распределяется примерно поровну [6].

Кросс-культурный анализ особенностей предпочтений механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте

В части исследования, посвящённой сравнению выраженности механизмов моральной свободы, приняли участие 307 подростков от 13 до 18 лет ($M = 15,5$; $SD = 1,39$) из России (148 человек) и Азербайджана (159 человек). Из них 125 юношей и 182 девушки. Выборки из разных стран были сделаны неразличимыми по полу, типу образовательных учреждений и возрасту.

В таблице 2 приведены средние и стандартные отклонения выраженности всех механизмов морального самооправдания в целом по выборке, отдельно для подростков из России и Азербайджана,

и результат проверки различий между оценками респондентов из разных стран (t-критерий для независимых выборок).

И для российских, и для азербайджанских подростков самыми выраженными являются механизмы «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание», реже всего они прибегают к «оправдательному сравнению». Механизмы «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы» значимо чаще используются подростками из Азербайджана, чем из России, а механизм «атрибуция вины», напротив, значимо чаще используется подростками из России, чем подростками из Азербайджана.

Кросс-культурный анализ межполовых различий в предпочтении механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте

В таблице 3 представлены средние и стандартные отклонения оценок всех механизмов МСО раздельно для девушек и юношей из России и Азербайджана.

В России у юношей выраженность всех механизмов морального самооправдания, кроме «дегуманизация жертвы», «оправдательное сравнение» и «распределение

ответственности», значимо выше, чем у девушек (t-критерий, $p < 0,05$). Тогда как в Азербайджане девушки значимо чаще, чем юноши, используют «речевой эвфемизм» (t-критерий, $p < 0,05$), по другим механизмам различий нет.

В таблице 4 представлены результаты проведённого одномерного дисперсионного анализа (два фактора – пол и возраст). Для некоторых механизмов морального самооправдания можно отметить, что значимо пересечение двух факторов – пола и страны, что означает, что выраженность механизмов самооправдания определяется не только страной или полом, но и взаимодействием этих двух факторов.

Интенсивность использования механизмов «моральное оправдание» и «речевой эвфемизм» юношами и девушками значимо различаются в России и Азербайджане (в России оценки выше у юношей, а в Азербайджане – у девушек).

В таблице 5 представлено распределение подростков из разных стран по типам МСО.

При помощи критерия χ^2 установлено, что нет связи между страной и попаданием подростков в определённый тип МСО ($\chi^2 = 1,257$ при $p = 0,533$, сила эффекта

Таблица 2 / Table 2

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у всей выборки подростков из России и Азербайджана, результат проверки различий / Average and standard deviations in esteems of moral self-justification mechanisms preferences in all samples of adolescents from Russia and Azerbaijan

Выборка / Механизм самооправдания	Все		Россия		Азербайджан		Различия	
	M	SD	M	SD	M	SD	t	P
Моральное оправдание	3,60	1,23	3,51	1,30	3,68	1,18	-1,210	0,227
Речевой эвфемизм	3,18	1,18	2,99	1,23	3,35	1,11	-2,707	0,007
Оправдательное сравнение	2,47	1,02	2,48	1,04	2,46	1,01	0,134	0,894
Распределение ответственности	2,73	1,16	2,78	1,15	2,68	1,18	0,756	0,450
Диффузия ответственности	2,99	1,17	2,85	1,18	3,11	1,15	-1,867	0,063
Искажение последствий	2,81	1,14	2,94	1,16	2,70	1,11	1,874	0,062
Дегуманизация жертвы	4,57	1,40	4,11	1,37	4,96	1,32	-5,429	<0,001
Атрибуция вины	3,75	1,19	3,90	1,07	3,63	1,28	1,968	0,005

Таблица 3 / Table 3

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у девушек и юношей из России и Азербайджана, результат проверки различий / Average and standard deviations in esteems of moral self-justification mechanisms preferences in all samples of young women and men from Russia and Azerbaijan

Выборка / Механизм самооправдания	Россия				Азербайджан			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Моральное оправдание	3,90	1,37	3,16	1,13	3,61	1,33	3,72	1,10
Речевой эвфемизм	3,09	1,30	2,90	1,16	3,10	1,16	3,48	1,07
Оправдательное сравнение	2,42	0,97	2,55	1,11	2,38	1,07	2,50	0,98
Распределение ответственности	2,73	1,30	2,83	1,00	2,53	1,14	2,75	1,19
Диффузия ответственности	2,93	1,33	2,78	1,04	2,97	1,11	3,17	1,17
Искажение последствий	2,98	1,07	2,91	1,25	2,61	1,23	2,74	1,05
Дегуманизация жертвы	4,11	1,39	4,10	1,36	4,72	1,42	5,09	1,26
Атрибуция вины	4,03	1,08	3,78	1,07	3,67	1,37	3,60	1,24

Таблица 4 / Table 4

Результаты одномерного дисперсионного анализа оценок по всем механизмам МСО (факторы – пол и страна) / Results of unidimensional variance analysis for all moral self-justification mechanisms (factors – sex and country)

Выборка / Механизм самооправдания	Пол		Страна		Пол x страна	
	F	P	F	P	F	P
Моральное оправдание	4,630	0,032	0,817	0,367	8,447	0,004
Речевой эвфемизм	0,428	0,514	4,390	0,037	4,055	0,045
Оправдательное сравнение	1,077	0,300	0,118	0,731	0,002	0,967
Распределение ответственности	1,371	0,243	0,983	0,322	0,184	0,669
Диффузия ответственности	0,037	0,847	2,302	0,130	1,562	0,212
Искажение последствий	0,051	0,821	3,977	0,047	0,511	0,475
Дегуманизация жертвы	1,142	0,286	23,921	<0,001	1,333	0,249
Атрибуция вины	1,128	0,289	3,528	0,061	0,395	0,530

Таблица 5 / Table 5

Распределение подростков из разных стран по типам моральной свободы / Distribution of adolescents from different countries according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	20,6%	44,1%	35,3%	100,0%
Азербайджан	15,7%	45,3%	39,0%	100,0%
Всего	18,0%	44,7%	37,3%	100,0%

та V Cramer's -0,065), т. е. нет значимых различий в попадании в определённый тип использования механизмов моральной свободы у подростков из России и Азербайджана.

В таблицах 6 и 7 представлено распределение юношей и девушек из разных стран по типам морального самооправдания.

Таблица 6 / Table 6

Распределение юношей из России и Азербайджана по типам моральной свободы / Distribution of young men from Russia and Azerbaijan according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	20,0%	38,5%	41,5%	100,0%
Азербайджан	19,2%	51,9%	28,8%	100,0%
Всего	19,7%	44,4%	35,9%	100,0%

Таблица 7 / Table 7

Распределение девушек из России и Азербайджана по типам моральной свободы / Distribution of young women from Russia and Azerbaijan according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	21,1%	49,3%	29,6%	100,0%
Азербайджан	14,0%	42,1%	43,9%	100,0%
Всего	16,9%	44,9%	38,2%	100,0%

При помощи критерия χ^2 установлено, что нет связи между страной и попаданием юношей в определённый тип ($\chi^2 = 2,483$ при $p = 0,289$, сила эффекта V Cramer's -0,146). Нет значимых различий в попадании в определённый тип использования механизмов моральной свободы у юношей из России и Азербайджана.

При помощи критерия χ^2 установлено, что есть связь между страной и попаданием девушек в определённый тип ($\chi^2 = 4,877$ при $p = 0,043$, сила эффекта V Cramer's -0,215). Девушки из России значимо чаще являются «пассивными» и значимо реже «активными» пользователями механизмами моральной свободы, чем девушки из Азербайджана.

Обсуждение результатов

Наше исследование было направлено на изучение особенностей использования механизмов моральной свободы посредством морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях. Мы предположили, что в ходе информационной социализации будут реализованы два противоположно направленных процесса. С одной стороны, нивелирование влияния этнокультурных условий на моральное развитие в силу глобализации, открытости и доступности информационного пространства, презентующего подросткам различных этнокультурных групп одну и ту же палитру разнообразия моральных стандартов и образцов поведения. С другой – про-

цесс усвоения традиционного содержания моральных установок и норм поведения через сложившуюся этнокультурную практику воспитания и социализации. Таким образом, задача развития, выступающая для подростка как личностный выбор значимой системы моральных норм, будет реализована с учётом особенностей этнокультурных условий. На примере сравнительного анализа применения подростками механизмов морального самооправдания в различных этнокультурных условиях мы получили подтверждение сложного характера становления моральной саморегуляции личности в координатах универсального возрастного и культурно-специфического развития. Универсальное находит выражение в приверженности подростков таким механизмам, как «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание», при устойчивом выделении трёх типов стратегий морального самооправдания, где центральное место занимает стратегия искажения образа жертвы. Культурно-специфическое связано с общей направленностью стратегий морального самооправдания, предпочитаемых азербайджанской и российской выборкой. Для азербайджанской выборки более приоритетны «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы», направленные на обесценивание нарушения моральной нормы. Для российских подростков – «атрибуция вины» как акт ретрибутивной справедливости и отчуждения права на моральную защиту за совершённые действия по принципу «око за око». Выявлена также большая активность в применении механизмов морального самооправдания девушками азербайджанской выборки по сравнению с российской. Это может объясняться более жёсткими требованиями к женщинам по соответствию принятым в обществе моральным стандартам, что и обуславливает большую интенсивность морального самооправдания азербайджанскими респондентками. По резуль-

татам исследования обнаружена также специфика гендерных различий в зависимости от этнокультурных условий, что отразилось во взаимодействии двух факторов – пола и страны, применительно к механизмам морального оправдания и речевого эвфемизма. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о влиянии этнокультурного фактора на интенсивность обращения к различным стратегиям и механизмам морального самооправдания подростковой выборки в целом и гендерных групп в частности при существенном сходстве общей картины применения механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте.

Выводы

1. Применение механизмов морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях характеризуется как общими чертами, так и особенностями. Общее заключается в выделении трёх типов моральной свободы, различающихся частотой обращения к моральному самооправданию; в выраженности стратегии искажения образа жертвы посредством дегуманизации и атрибуции вины; в предпочтении таких механизмов самооправдания, как «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание».

2. Кросс-культурные различия в применении механизмов морального самооправдания нашли проявления в том, что «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы» значимо чаще используются азербайджанскими подростками, а механизм «атрибуция вины» – российскими. Гендерная специфика проявления кросс-культурных различий обнаружена в факте большей активности использования механизмов морального самооправдания девушками из азербайджанской выборки по сравнению с российскими.

3. Выявлено опосредование гендерных различий этнокультурными условиями. Специфика гендерных различий заключается в том, что в российской

выборке гендерные различия ярко выражены и интенсивность применения всех механизмов морального самооправдания у юношей выше, чем у девушек. Исключение составляют «дегуманизация жертвы», «оправдательное сравнение» и «распределение ответственности», где

различия незначимы. В азербайджанской выборке гендерные различия сглажены, вместе с тем девушки значимо чаще, чем юноши, используют «речевой эвфемизм».

Статья поступила в редакцию 25.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. СПб., 2006. 416 с.
2. Берри Д., Пуртинга А., Сигалл М. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков, 2007. 530 с.
3. Карабанова О. А., Георгиевская М. А. Представления об этических нормах Интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 107–125.
4. Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2003. 718 с.
5. Молчанов С. В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 60–70.
6. Молчанов С. В., Алмазова О. В. Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2020. № 3. С. 147–165.
7. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я. А. Ледовая, Р. В. Тихонов, О. Н. Боголюбова, Е. В. Казенная, Ю. Л. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 23–39.
8. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ, 1986. 167 p.
9. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning / A. Bandura, C. Barbaranelli, G. V. Caprara, C. Pastorelli // Child Development. 1996. № 67 (3). P. 1206–1222.
10. Bandura A. Social cognitive theory in cultural context // Applied Psychology: An International Review. 2002. № 51 (2). P. 269–290.
11. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. Analysis of moral disengagement as a modulating factor in adolescents' perception of cyberbullying // Frontiers in Psychology. 2019. № 28. P. 12–22.
12. Forsberg C., Thornberg R., Samuelsson M. Bystanders to bullying: Fourth- to seventh-grade students' perspectives on their reactions // Research Papers in Education. 2014. № 29. P. 557–576.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior // Aggressive Behavior. 2014. № 40. P. 56–68.
14. Hyde L. W., Shaw D. S., Moilanen K. L. Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior // Journal of Abnormal Child Psychology. 2010. № 38. P. 197–209.
15. Mulford W., Silins H., Leithwood K. A. Educational leadership for organisational learning and improved student outcomes. New York, Springer, 2004. 282 p.
16. The moral disengagement scale: extension with an American minority sample / J. Pelton, M. Gound, R. Forehand, G. Brody // Journal of Psychopathology and Behavior Assessment. 2004. № 26. P. 31–39.
17. Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence / M. Paciello, R. Fida, C. Tramontano, C. Lupinetti, G. V. Caprara // Child Development. 2008. № 79. P. 1288–1309.
18. Smetana J. G., Campione-Barr N., Metzger A. Adolescent development in interpersonal and societal contexts // Annual Review Psychology. 2006. № 57. P. 255–284.

REFERENCES

1. Aronson E. *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [Public animal. Introduction to social psychology]. St. Petersburg, 2006. 416 p.
2. Berri D., Purtinga A., Sigall M. *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye* [Cross-cultural psychology. Research and application]. Kharkiv, 2007. 530 p.

3. Karabanova O. A., Georgievskaya M. A. [Ideas about the ethical norms of the Internet communication among adolescent users with different levels of moral consciousness development]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 2019, no. 4, pp. 107–125.
4. Matsumoto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. St. Petersburg, 2003. 718 p.
5. Molchanov S. V. [Moral self-justification as the myth of “moral freedom” of the individual]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 3 (35), pp. 60–70.
6. Molchanov S. V., Almazova O. V. [Features of using the mechanisms of moral self-justification in adolescence and pre-adult age]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 2020, no. 3, pp. 147–165.
7. Ledovaya Ya. A., Tikhonov R. V., Bogolyubova O. N., Kazennaya E. V., Sorokina Yu. L. [Alienation of moral responsibility: psychological construct and methods of its measurement]. In: *Vestniki Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletins of St. Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 2016, no. 4, pp. 23–39.
8. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ, 1986. 167 p.
9. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. In: *Child Development*, 1996, no. 67 (3), pp. 1206–1222.
10. Bandura A. Social cognitive theory in cultural contest. In: *Applied Psychology: An International Review*, 2002, no. 51 (2), pp. 269–290.
11. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. Analysis of moral disengagement as a modulating factor in adolescents' perception of cyberbullying. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 28, pp. 12–22.
12. Forsberg C., Thornberg R., Samuelsson M. Bystanders to bullying: Fourth- to seventh-grade students' perspectives on their reactions. In: *Research Papers in Education*, 2014, no. 29, pp. 557–576.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior. In: *Aggressive Behavior*, 2014, no. 40, pp. 56–68.
14. Hyde L. W., Shaw D. S., Moilanen K. L. Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior. In: *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2010, no. 38, pp. 197–209.
15. Mulford W., Silins H., Leithwood K. A. Educational leadership for organisational learning and improved student outcomes. New York, Springer, 2004. 282 p.
16. Pelton J., Gound M., Forehand R., Brody G. The moral disengagement scale: extension with an American minority sample. In: *Journal of Psychopathology and Behavior Assessment*, 2004, no. 26, pp. 31–39.
17. Paciello M., Fida R., Tramontano C., Lupinetti C., Caprara G. V. Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence. In: *Child Development*, 2008, no. 79, pp. 1288–1309.
18. Smetana J. G., Campione-Barr N., Metzger A. Adolescent development in interpersonal and societal contexts. In: *Annual Review Psychology*, 2006, no. 57, pp. 255–284.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00823 А. «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации».

ACKNOWLEDGMENTS

The work is executed at financial support of the Russian Foundation for basic research, project No. 19-013-00823 A. “Personal and cognitive factors of moral self-justification mechanisms of deviant behavior (bullying and cyber bullying) in process of informational socialization in adolescence”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчанов Сергей Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: s-molch2001@mail.ru

Алмазова Ольга Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: almaz.arg@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Molchanov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., associate professor of the Department of developmental psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: s-molch2001@mail.ru;

Olga V. Almazova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., associate professor of the Department of developmental psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: almaz.arg@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчанов С. В., Алмазова О. В. Особенности использования механизмов моральной свободы подростков в различных этнокультурных условиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74

FOR CITATION

Molchanov S. V., Almazova O. V. Features of using teenagers' mechanisms of moral freedom in various ethno-cultural conditions. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74